

Сара Блейк

ТЕНИ НАШЕГО ПРОШЛОГО

ИСТОРИЯ СЕМЬИ МИЛТОН

*Умная, глубокая,
амбициозная,
захватывающая...*

Пола Маклейн,
автор бестселлера
«Парижская жена»

Сара Блейк

**ТЕНИ
НАШЕГО ПРОШЛОГО**

ИСТОРИЯ СЕМЬИ МИЛТОН

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНДБАД
Москва, 2021

16+

Sarah Blake
THE GUEST BOOK

Text Copyright © 2019 by Sarah Blake
Published in the Russian language by arrangement with *Flatiron Books. All rights reserved.*
Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2020

Перевод с английского Юрия Гольдберга

Фотография на обложке © Eve Arnold/ Magnum Photos/ East News

Блейк С.

Тени нашего прошлого / Сара Блейк ; [пер. с англ. Ю. Гольдберг]. — М.: Синдбад, 2021.

ISBN 978-5-00131-351-9

«Тени нашего прошлого» — роман о судьбах трех поколений Милтонов, нью-йоркской семьи из тех, о которых говорят: «они правят миром».

1935 год. Китти и Огден Милтон на вершине счастья — они молоды, красивы, любят друг друга, у них прекрасные дети... Но идиллию разрушает трагедия — в результате нелепой случайности пятилетний сын выпадает из окна их квартиры на четырнадцатом этаже.

Пытаясь как-то отвлечь Китти, Огден покупает остров Крокетт-Айленд с большим красивым домом на нем. Здесь все дышит покоем и безмятежностью. Этот дом станет родовым гнездом Милтонов. В нем вырастут их дети, а затем и внуки...

В начале нынешнего века финансовое положение уже не позволяет третьему поколению семьи владеть островом и домом. Начинаются разговоры о продаже. Эви Милтон отправляется на остров, чтобы попрощаться с домом, в котором провела так много счастливых дней. Ее случайная находка приведет к крушению мифа о безукоризненных Милтонах, столпах американского общества.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»
Korpus Prava

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство
«Синдбад», 2020

Эли и Гасу

А также в память о моем брате, Т. Уитни Блейке (1962–2017)

Люди заперты в истории, а история заперта в них.

Джеймс Болдуин

Ей-богу, пора бы уж кому-то взяться за новый сюжет.

Вирджиния Вулф

— Обычная история, — задумчиво произнес мужчина, стоящий у руля, разглядывая красивый заброшенный дом на холме. — Поместье — последнее, что остается от потомственных богачей.

В тот субботний июньский день на яхте их было трое. Они отправились в путь из Рокленда, в штате Мэн, намереваясь весь день бороздить воды залива. В восьми-девяти милях от берега, войдя в бухточку одного из множества гранитных островов, они увидели прямо перед собой величественный белый дом, гордость какого-нибудь капитана дальнего плавания, прямоугольное строение с длинной лужайкой, спускавшейся к лодочному сараю и причалу.

Дом нуждался в покраске. Лужайку требовалось подстричь. Крыша лодочного сарая просела, часть дранки осыпалась. Пустой причал был латаный-перелатаный.

Это было великолепное зрелище.

— Я жду, пока его выставят на продажу, — продолжал хозяин яхты. — Он сам плывет в руки.

— Кто владелец? — спросил мужчина, сидевший рядом.

— Одно из семейств, которые раньше правили миром. — Хозяин вытянул ноги, прижав босые ступни к корпусу яхты. — Белая кость.

— Белая кость? — усмехнулся второй. — Разве такие еще где-то существуют, кроме их собственного воображения?

Хозяин улыбнулся. Он сделал себе состояние совсем недавно, на здравоохранении.

— Что же произошло? — спросил мужчина, сидевший рядом.

— Думаю, все как всегда. Пьянство, апатия, тупицы в роду.

— Как их фамилия?

— Не знаю. — Он с силой надавил на гик. — Милтон? Милтонс?

— Милтон? — Третий мужчина, сидевший на носу лодки и все это время смотревший на дом, оглянулся. — Как в названии банка — «Милтон Хиггинсон»?

— Похоже, — ответил хозяин и, расправив гротовый парус так, чтобы поймать ветер, направил судно к выходу из бухты; миновав узкий проход, яхта пошла по ветру вдоль острова. Все умолкли, и дружелюбное молчание прерывали лишь команды рулевого: «К повороту» и «Под ветер», — чтобы остальные перемещали вес с одного борта роскошной яхты на другой и пригибались, не мешая гику свободно поворачиваться у них над головой.

— У этой семьи трагическая история, — снова заговорил хозяин, когда яхта поравнялась с оконечностью гранитного хребта на острове. — Говорят, здесь кто-то утонул.

— Где?

— Прямо здесь, у тех скал. — Он указал на груды белых гранитных валунов, торчавших из воды на фоне частокола из устремленных в небо елей.

Смотреть было не на что.

— К повороту! — скомандовал рулевой. И они уплыли.

ЗАТВОРНИЦА

Глава первая

Осень превратилась в зиму, а затем вернулась, но как-то неуверенно: ноябрьские холода то усиливались, то ослабевали, напоминая женщину, которая никак не может определиться с нарядом, — пока наконец декабрь, рассмеявшись, не взял дело в свои руки. А потом лед на черных дорожках парка все смотрел и смотрел в небо своим немигающим взглядом, месяц за месяцем, и холод все не ослабевал, хотя по календарю уже наступила весна, так что даже в апреле в нью-йоркском Бауэри на углах улиц мерцали жаровни, и человек, пытавшийся согреть руки, мог видеть, как языки пламени отражаются в окнах над его головой, и представлять, как эти отблески бегут вдоль авеню, минуя кварталы, до самого центра города, до теплых квартир, где люди, помедлив на пороге, выключают свет, а потом выходят из дома, закутанные в шерсть и меха, ворча по поводу холодов: «Боже правый, когда же это кончится?» — пока одним майским утром все вдруг не изменила наконец нагрывавшая весна. По всему городу детей выпускали из зимних пальто в зеленые объятия Центрального парка. «Ну вот мы и снова здесь», — подумала Китти Милтон, садясь в такси, чтобы поехать в филармонию, где ее ждала мать.

Шел 1935 год.

На Китти была мягкая шляпа колоколом, поля которой закрывали уши и отбрасывали тень на глаза, подчеркивая матовую белизну ее слегка задранного подбородка и длинной шеи. Ее стройную фигуру облекало пышное зеленое шелковое платье чуть светлее шерстяного пальто, свободно ниспадавшего на колени.

Автомобиль тронулся и поехал к Центральному парку; в ветвях вязов над головой Китти распускалась весна, форзиция вдоль тротуаров выкрикивала свои желтые новости. Китти прислонилась головой к кожаной обивке салона.

«Жизнь широка, девочки, — много лет назад говорила им мисс Скривенер. — Идите по ней, распахнув объятия». Возвышаясь перед рядами школьниц, учительница — старая дева, чей жених погиб в Первую мировую, — широко раскидывала руки.

И Китти не знала, плакать ей или смеяться.

Она и вправду широка, думала теперь Китти: пришла весна, и впереди столько возможностей. Скоро из-за границы вернется Огден, а в Ойстер-Бэй куплен участок под дом. Ей тридцать. На дворе тридцать пятый. Недди пять, Моссу три, а малютке Джоан только что исполнился годик. Ее мысли заполнила приятная математика *жизни* — это слово вспыхнуло у нее на щеках и засияло в глазах, растянуло губы в улыбку. Такси тем временем свернуло на Пятую авеню.

Поймав в зеркале взгляд водителя, Китти поняла, что нужно бы отвернуться, чтобы тот не видел ее идиотской улыбки, но продолжала смотреть ему в глаза. Водитель подмигнул. Кивнув ему, Китти сползла вниз на сиденье и закрыла глаза; автомобиль нырнул в туннель, который тянулся с востока на запад под детскими площадками в парке, где играли ее дети, возмущенные тем, что утро подходит к концу и приближается время обеда; они ползали вокруг большой бронзовой статуи любимого шотландского поэта, усаживались, словно воробушки, на гигантском колене и взбирались (если им везло и няня не замечала) до массивного покатого плеча.

Но мальчишкам Милтон не повезло; няня приказала им слезть, сию секунду, слезть немедленно и подойти к ней.

Мосс, средний брат — он не любил, когда взрослые смотрят на него с таким отстраненным, нахмуренным вниманием, обещавшим еще больше внимания в дальнейшем, — соскользнул со статуи слишком быстро и приземлился на голую коленку.

— Ой! — вскрикнул он и прижался щекой к горячей, оцарапанной коже. — Ауч.

Но его брат не обратил внимания на няню, стоявшую внизу и державшую их маленькую сестру Джоан на своем широком

бедре; Недди продолжал карабкаться вверх, на самую макушку бронзовой головы и... что же он делал?

— Эдвард. — Няня поспешно шагнула вперед. — Эдвард! Слезай. Сию секунду.

Мальчик упадет.

Он поставил ноги по обе стороны громадной головы, у которой растрепанные бронзовые волосы закрывали уши, уперся ногами в плечи и медленно, осторожно выпрямлялся там в вышине.

Мальчик сломает себе шею.

— Эдвард, — повторила няня, на этот раз очень тихо.

Остальные дети перестали ползать по статуе и замерли, не отрывая взгляда от мальчика, который забрался так высоко. Теперь он был единственным, кто двигался на бронзовой поверхности.

— Эдвард.

Медленно, осторожно Недди разогнулся, убрал руки с головы поэта, покачнулся на долю секунды, потом восстановил равновесие и выпрямился во весь рост. Так уверенно, так высоко. Крепкий, безупречный, он стоял на плечах статуи — маленькое создание в коротких штанишках и кофте на пуговицах — и смотрел на обращенные к нему встревоженные лица.

— Мосс! — пронзительно крикнул он. — Смотри!

Мосс поднял голову и увидел над складками бронзового пиджака, над тяжелыми массивными руками, над другим мальчиком, прильнувшим к раскрытой странице гигантской книги: Недди стоял высоко наверху, улыбаясь и ликуя.

Если бы он протянул руку и сказал: «Давай, лети сюда!» — Мосс бы полетел. Потому что, когда брат зовет тебя, ты делаешь шаг вперед, берешь его за руку и следуешь за ним. Разве можно иначе? Брат был всегда впереди, всегда первый.

Не опуская головы и не отрывая щеки от колена, Мосс улыбнулся брату.

Недди кивнул и легко, без усилий снова склонился и соскользнул с бронзовой громады, слез вниз и чуть покачнулся,

приземлившись на гравий.

— Отец обо всем узнает, — пообещала няня. — Это будет занесено в список.

Она сняла коляску с тормоза и грубо толкнула мальчика в плечо.

— Список, Эдвард. Ты меня слышишь?

Недди кивнул и пошел вперед.

Мосс сунул ладонь в руку брата. Мальчики шли в ногу перед коляской, держа маленькие спины прямо, словно солдаты. И улыбаясь.

Они знали, что никакого списка не будет. Дома только мама. Папа в Берлине.

И действительно, низкий черный «мерседес» Огдена Милтона только что свернул с оживленной Тиргартенштрассе, забитой двухэтажными автобусами, и решительно въехал на парковую дорожку, смыкавшуюся с аллеей Бельвю, которая тихо и торжественно тянулась через весь Тиргартен прямо до места назначения. Город у него за спиной исчез почти моментально. Огден пошел пешком между тесно стоящими липами в цвету, и его тут же окутал запах, который он неоднократно пытался описать Китти, но всегда терпел поражение. По левую руку от него за черными стволами простирался зеленый ковер одной из самых больших лужаек парка, а вдалеке блестело озеро. И повсюду в солнечном свете и ясном воздухе, парами и группами, на велосипедах и пешком, берлинцы обращали свои лица к долгому и милому вечеру, как делали еще с эпохи кайзеров.

С непринужденной грацией человека, коронным броском которого была подача через все поле от задней линии, Милтон шагал через парк, и по элегантным движениям красиво вылепленных рук и ног можно было угадать его родословную — привычка знать, что нужно делать в любой момент, передавалась из поколения в поколение. Происходя из семьи, которая прибыла в страну сразу после «Мейфлауэра»¹

(«Аристократы, Огден, а не беженцы», — как однажды поправила его мать), Огден с рождения пользовался всеми возможными преимуществами и знал об этом. В самом первом наборе Гарвардского колледжа в 1642 году учился один из Милтонов, как и в каждом последующем классе, для которого имелся молодой человек из рода Милтонов подходящего возраста. Под крыльями Университета Уайденера пряталась Милтоновская библиотека.

Глядя на его открытое американское лицо, слушая его искренний американский голос, можно было подумать: «Вот идет хороший человек. Благородный человек». Огден казался энергичным и ярким. Его положение и возможности позволяли ему преуспевать и творить добро. И он так и делал. Он верил, что можно поступать правильно. Так его воспитали. Огден принадлежал к последнему поколению, для которого эти принципы оставались незыблемыми, как шелковый кошелек.

Третий в роду Милтонов у руля «Милтон Хиггинсон» — банка, основанного в 1850 году и твердо стоящего в центре финансовых потоков США, а с недавних пор еще и Германии, — Огден Милтон принял руководство фирмой совсем молодым и поначалу держал осторожный курс, но постепенно все смелее устремлялся по ветру в бурные, перспективные воды 1920-х, завоеывая Европу своей мальчишеской улыбкой, которую сохранит и в старости, заразительной улыбкой, словно говорившей: «Разве это не чудесно? Разве это не здорово?» Подразумеваемая жизнь. Подразумеваемая удача. Подразумеваемая этот мир.

У Милтонов был прекрасный винный погреб и достойный повар, и именно за их столом собирались люди, не слишком заметные в Вашингтоне, но негласно остававшиеся самыми полезными для президента. Такие семейства, как Милтоны, всегда дергали за рычаги государственной машины в тишине, не считая эту тишину странной и передавая то же мировоззрение сыновьям с раннего детства — в школах, в церквях, в летних домах среди залитых солнцем скал Восточного побережья, от Кампобелло до Кеннебанка и Ойстер-

Бэй. В конце концов, Франклин Делано Рузвельт был одним из них.

Это была вторая поездка Огдена в Германию за последние девять месяцев: он был уверен, что хорошие люди, честная игра и свободные потоки капитала, направленные в нужные сундуки, будут успешно противостоять безумцам и глупцам. Именно поэтому он вкладывал огромные средства в эту страну. Именно поэтому он теперь шел к сборищу, которое расположилось на лужайке за кустами роз в конце широкой аллеи.

— Приходите обязательно, — сказал Бернхард Вальзер тем утром после ухода нотариуса, пока подписанные документы сохли на дубовом письменном столе в просторном, обитом зеленым дамасским шелком офисе «Вальзер Стил», выходявшем окнами на Шпрее. — Это было самое любимое место Гертруды во всем городе.

Вальзер повернул голову к высоким открытым окнам, словно слышал ее, словно его жена, умершая много лет назад, в любой момент могла появиться на тротуаре.

— Сегодня ей исполнилось бы пятьдесят семь, — задумчиво произнес он.

Милтон достал трубку и табак, как всегда тронутый словами сидевшего напротив пожилого мужчины. Бременский аристократ, ветеран Великой войны, глава компании «Вальзер Стил», владелец одного из лучших собраний антикварных книг в Европе и одновременно человек, который оплакивал свою жену, известную английскую красавицу — и еврейку, — в сумерках декламируя стихи Гете в парке Мейфэра, Вальзер ловко носил свои многочисленные обличья. Уникальный человек, которого невозможно к чему-либо принудить, думал Огден, набивая трубку табаком. Он не вписывается в привычные рамки.

Ни в какие рамки. Именно таким хотелось бы стать Огдену.

Пятнадцать лет назад Огден вышел из ворот Гарварда вместе с другими выпускниками 1920 года и увидел отца — тот стоял, облокотившись на новенький «форд-Т», и улыбался. «Поезжай в Европу, осмотрись, — сказал он. — Инвестируй. Найди

подходящих людей и хорошие идеи и вложи в них наши деньги». Черный автомобиль переправили через океан, и за лето долговязый американец исколесил Англию и Францию, а затем направился в Германию. В последние золотые деньки осени он прибыл в Берлин, где пьянящий хаос Веймарской республики почти зримо висел на узких улочках и мощеных площадях, под крошечными лампочками, спрятанными среди переплетений виноградных лоз над головами мужчин и женщин, сидевших на открытых террасах городских пивных. После войны с востока хлынули беженцы, и в городе веяло новое, чужое дыхание, с ароматом дрожжей и соли, меда и чеснока. Много разговоров, бушующие страсти — но ни то ни другое не могло наполнить желудок.

Этим людям требовалась работа. Никто в стране не понимал этого так отчетливо и трезво, как Бернхард Вальзер. Так думал теперь — впрочем, и тогда тоже — Огден Милтон.

Так что Вальзер — в ярости от действий французов и британцев, которые воспринимал как попытку устранить немецких конкурентов, прикрываясь фальшивым пацифизмом, — довольно быстро с чистой совестью нарушил Версальский договор и с помощью таких инвесторов, как Огден, на протяжении двадцатых возрождал «Вальзер Стил». Подлинный мир гарантировали только рабочие места. Механизм, необходимый для построения сильной экономики, был механизмом мирной жизни, вне зависимости от того, что он производил: водопроводные краны, шпильки для волос или, как «Вальзер групп», крылья самолетов.

— Обязательно приходите, — повторил Вальзер, снова повернувшись к собеседнику. — Там будет Эльза. И другие люди, с которыми вы, возможно, знакомы.

Вальзер на секунду задержал на нем взгляд:

— Думаю, в этот приезд вы не видели Эльзу?

— Нет. — Огден встал. — Не видел.

Вальзер придвинул к нему толстый желтый конверт с логотипом «Вальзер группе», поверх которого стояла нацистская печать.

Огден посмотрел на конверт и улыбнулся.

— Значит, так, — сказал он.

Вальзер кивнул:

— Значит, так.

Эльза Хоффман захлопнула дверь, повернулась и опустила ключ в висящую на сгибе локтя корзинку. Улица была пуста. Никто не крутился рядом, не глазел. Никто не шел мимо. Эльза повернула направо, к магазинам на Фридрихштрассе; ее каблуки цокали по Линиенштрассе, солнце положило свою длинную руку ей на плечо.

— Это прелюдия, — прошептал ночью Герхард, касаясь губами ее волос. Они лежали у открытого окна, и ночной ветер охлаждал их тела; его нога лежала поверх ее, ладонь обхватывала щеку. — Теперь у нас времена рубато, варьирования темпа, но мы не можем увидеть, где возникло зияние, не замечаем перемен. — Герхард натянул на них простыню. — Вагнер знал это: когда крадешь у слуха время, тело жаждет возвращения порядка, у нас в груди бьется потребность остановить это, исправить, потребность завершить открытый аккорд.

— Например, так. — Она подняла голову с подушки и поцеловала его.

— Да. Или вот так. — Он крепче прижал ее к себе.

Никто за ней не следил. Она шла уверенно, уже хорошо научившись не привлекать внимания. Сначала ее работа заключалась только в том, чтобы передавать записки от Герхарда другим членам группы. Потом задания стали чуть сложнее, хотя все равно казались несерьезными, чем-то вроде детской игры. В тот первый раз Франц, брат Герхарда, отвел ее в сторону, когда она стояла в очереди за шампанским в буфете филармонии, и спросил, может ли она выпить кофе в кафетерии возле отеля «Адлон».

Она внимательно посмотрела на него и кивнула.

— *Und dann?*²

— *Und...* — Он наклонился, целуя ее в щеку на прощание; его рука обвила ее талию и нырнула в карман платья. — Встанешь, расплатишься и оставишь эти деньги на столике, — прошептал он и отошел.

Сегодня ей предстояло встретить одиннадцатичасовой поезд надземки на Фридрихштрассе и просто убедиться, что за мужчиной и женщиной не следят.

— А кто эти мужчина и женщина? — спросила она.

— Неважно. Тебе не нужно знать.

Эльза должна была дождаться у подножия лестницы мужчину и женщину, держащихся за руки, и последовать за ними; женщина будет смеяться, глядя в глаза мужчине. Обычная парочка.

— Как я узнаю, что это они?

— Она оступится, и он крепче прижмет ее к себе, не давая упасть.

Это была игра.

Эльза сначала зашла в мясную лавку — там она издали кивнула герру Плауту, — потом к бакалейщику и булочнику. Мясо, яйца, картофель, хлеб.

Над улицей возвышалась башня собора; часы в очередной раз проббили три четверти. Как и каждое утро в это время — Эльза знала, потому что ежедневно точно так же ходила по улице с корзиной через руку. Страх — вот в чем разница. *Это по-настоящему. Это не игра. Ты можешь попасть в беду. Тебя могут арестовать и увести. За то, что не так выглядишь. За то, что смотришь не на того человека в поезде.*

Если за тобой следят, не дай им ничего заметить.

По рельсам на верхних путях прогрохотал поезд, и на далекой платформе силуэты ждущих людей сбросили оцепенение и начали двигаться, словно фигурки музыкальной шкатулки.

Эльза поправила корзину.

Мясо, яйца, картофель, хлеб. Теперь марки для конвертов. Газетный киоск у подножия лестницы.

— *Morgen*³, — она кивнула герру Йостену.

Вдалеке слышался звук приближающегося поезда.

— *Ja. Sehr schön*⁴, замечательно, — сказала она Йостену и раскрыла кошелек, чтобы достать монеты. Рельсы над ее головой загудели.

— *Bitte*⁵.

— Ваш отец, — спросил Йостен. — С ним все хорошо?

— *Ach ja, danke*⁶. — Она улыбнулась и протянула ему монеты.

Поезд остановился на верхних путях.

Эльза заставила себя не поворачиваться и не смотреть, взять три марки, протянутые Йостеном, положить сдачу в кошелек, кивнуть и с улыбкой поблагодарить его, как она делала каждое утро, и, наконец, повернуться и взглянуть на поезд, как смотрят на облака, внезапно закрывшие голубое небо.

По лестнице, держась за руки, спускались мужчина и женщина.

Пикник являл собой живописную картину: гости расположились на лужайке возле кольца из роз, в центре которого стояла алебастровая статуя полуобнаженной Венеры, склонившейся к своим цветам. Среди неразличимых мужчин в темных костюмах попадались ослепительно-белые мундиры рейхсвера; у двух женщин шляпы были столь широки, что казались птицами, парившими в вечернем воздухе, который обволакивал всех присутствующих, благоухающий и неподвижный. Огден услышал смех Эльзы, трепетавший, словно лента на ветру, еще до того, как заметил ее в толпе — стремительную, маленькую и энергичную, в желтом платье цвета подсолнухов и лета.

Он замедлил шаг. И увидел ее такой, как в тот первый вечер, много лет назад, в ложе городского театра, где она сидела с отцом: затылок в тусклом свете, каштановые волосы забраны наверх. Огден видел ярко-синий бархат драпировки, облезлую позолоту кресла, вжатую в него обнаженную спину. Тогда Огден — практичный до мозга костей, но впечатлительный молодой человек, к тому же в первый раз оказавшийся

в Европе, — верил в свою удачу и интуицию. Ему было двадцать два. Эльза Вальзер была старше, и к тому же немкой. Все это промелькнуло в его голове за несколько мгновений до того, как Эльза повернулась и заметила в глубине ложи неловкого американца.

«*Entschuldigung*»⁷, — с трудом произнес он.

Вальзер представил их друг другу, Огден проскользнул на свободное кресло рядом с ней, и все трое повернулись к сцене, где первая скрипка как раз заняла свое место слева от дирижера; зал умолк. А когда скрипач коснулся смычком струны, а затем плавным движением извлек первую долгую ноту, Огден понял: в центре каждой человеческой жизни кроется начало — не рождение, а тот момент, когда защелка на замке откидывается и жизнь выходит наружу, устремляясь вперед.

И как всякий раз, когда он видел Эльзу после долгого отсутствия, на него нахлынуло воспоминание: она открывает ему дверь на Линиенштрассе, 32 на следующее утро после театра. Огден чувствовал: если на свете есть места, которые удерживают нас в себе, то наверняка существуют и люди, которые, как зеркало, отражают наши прежние ипостаси, давно забытые. В тот далекий день молодой Огден неподвижно стоял на крыльце перед Эльзой Вальзер, застывший и онемевший, и смотрел на женщину в дверном проеме, не зная, смотреть ли дальше или отвести взгляд. В то мгновение он представлял, что влюблен в нее.

«*Ach*, — насмешливо сказала Эльза. — Тот американец. Но он не шевелится».

Друзья, с которыми она познакомила Огдена, называли ее Мышкой, хотя Эльза не была ни тихой, ни застенчивой и совсем не походила на мышку. «Я... — Она наклонилась и хлопнула его по плечу, когда они поздним вечером сидели за длинным столом, заваленным пепельницами и салфетками. — Как у вас там говорят? Под прикрытием». И улыбнулась.

— Милтон! — воскликнула теперь Эльза, заметив его, и, не отрывая от него глаз, продолжала разговор со своей собеседницей.

Он помахал рукой.

И, как и всегда при встрече с Эльзой, пока он шел под ее взглядом, проявилась пропасть между воображением и истинным положением дел. Поначалу Огден вызывал у нее любопытство, а затем, довольно быстро, стал объектом мягкого подтрунивания: состоятельный мужчина, двадцатидвухлетний старичок, дразнилась она. Для Эльзы он был целиком и полностью американцем — милым и абсолютно неинтересным. Она вышла замуж за Герхарда Хоффмана, мужчину, который был на сцене в день их знакомства с Огденом, первую скрипку Берлинской филармонии, гения. Как и отец, в спутники жизни она выбрала еврея. Теперь у них был маленький сын. Огден никогда не смог бы стать мужчиной, в котором она нуждалась. Ему всегда немного, самую малость, чего-то недоставало. Правда, он до сих пор не мог уловить, чего именно и почему, и это — честно говоря — его раздражало, хотя и не слишком сильно, вроде дырки в носке. Он знал, что в нем есть то, чего она не видит.

— А вот и Милтон, — объявила Эльза на своем безупречном английском с легким акцентом. — Мы делаем вид, что не знаем его имени.

Тяжелое немецкое «р» гудело колоколом в ее словах. Огден наклонился и расцеловал ее в обе щеки, ощутив запах сирени в ее волосах.

— *Ach, so?*⁸ — Одна из женщин в окружении Эльзы протянула руку, готовая улыбнуться, но не уверенная в своем английском.

— Как ни странно, у меня есть имя, — весело ответил он. — Но Вальзеры отказываются его произносить.

— Папа любит прихвастнуть, что у него в гостях бывает Милтон. Он обожает поэму «Затерянный рай».

— Полагаю, его все же потеряли, а не нашли, — мягко поправил ее Огден.

Она ответила ему улыбкой и тронула рукой стоявшего рядом военного, до того гордого своим мундиром, что, казалось, он боялся наклониться, опасаясь помять китель.

— Рядовой Мюллер, — представила Эльза мужчину, и его рука взмыла в приветствии, которое Огдену до сих пор не удавалось принимать всерьез, хотя оно было повсюду, даже на лужайке парка весенним вечером. Билл Моффат, приятель Милтона из посольства, рассказывал, что некоторых американских туристов избивали, если те салютовали без должного энтузиазма.

— И полковник Рутцбар, — продолжала Эльза, указывая на другого мужчину, только что присоединившегося к группе; он был приветлив и подвижен. Огден сдержал улыбку. Один жесткий, другой гибкий — типичная пара немцев.

— *Heil Hitler!* — Он кивнул и снова повернулся к Эльзе: — Где сегодня ваш муж?

— Скоро придет. Ему нужно с кем-то увидеться.

— *Ach*, вечно Герхард Хоффман кому-то нужен. — Возле Эльзы возник полковник Руди Пютцграф с бутылкой шампанского и бокалами.

Как только с губ этого человека слетело имя ее мужа, на лицо Эльзы набежала тень, словно чья-то рука закрыла дверь в конце коридора.

— Нашему национальному сокровищу, — сказал полковник, вкладывая бокал в руку Огдена, — не дают скучать.

Огден кивком поблагодарил его.

— Рад видеть вас здесь, герр Милтон. — Пютцграф зажал под мышкой бутылку шампанского и достал портсигар. — Я так понимаю, вас следует поздравить?

— Разве?

— Американские деньги и нацистская промышленность. — Пютцграф предложил всем сигареты. — Вы и герр Вальзер.

Эльза вытянула сигарету из пачки.

— Немецкая промышленность. — Огден покачал головой, глядя на портсигар.

— Это одно и то же, — ответил Пютцграф. — *Natürlich*⁹.

Огден промолчал.

— Двадцать четвертого ваш муж будет играть Вагнера? — спросил Пютцграф Эльзу, прикуривая ей сигарету. Она затаилась.

— Конечно. — Эльза выдохнула дым, глядя ему в глаза. — Согласно программе.

Пютцграф выпрямился:

— Ваш муж не любит Вагнера?

Эльза с улыбкой повернулась к нему:

— Я этого не говорила, полковник.

Огден бросил на нее взгляд. Она стояла, вытянувшись в струнку, как часовой в будке.

— *Prost*¹⁰. — Он поднял бокал с шампанским, отвлекая внимание полковника.

— *Prost!* — Пютцграф приподнял свой бокал и отошел.

Золотистый свет запутался в нижних ветвях парковых лип, смягчаясь по краям. Две лодки пересекали неподвижную, темнеющую воду озера. В сгущавшихся сумерках под деревьями светились ряды белоснежных статуй. Один из мужчин в военной форме и женщина в шляпе, подруга Эльзы, медленно двинулись к другому фонтану.

Опустившись на расстеленный плед, Эльза похлопала рядом с собой, приглашая Огдена сесть.

— Где Вилли? — спросил он, устраиваясь рядом.

— Дома. — Ее лицо смягчилось. — Спит.

— Бедняжка. Мои мальчишки терпеть не могут, когда их укладывают до захода солнца.

— Да, но здесь солнце заходит медленно.

Так и было. Даже теперь, почти в девять вечера, приближение ночи почти не ощущалось. Сумерки прятались в траве и среди опавших лепестков роз, но небо над головой расстилалось чудесной бесконечной синевой.

Пютцграф обошел с шампанским всю компанию, присоединяясь то к одной, то к другой беседе, а затем двигаясь дальше. Огден чувствовал, что сидящая рядом с ним Эльза тоже

наблюдает за полковником. Чуть дальше, на дорожке, ее отец увлеченно беседовал с немецким экономистом, учившимся в Висконсине. Рядом с ними стоял директор Рейхсбанка, старый приятель Вальзера и, по мнению Огдена, дельный человек. Огден поднял руку в знак приветствия; Вальзер кивнул и отсалютовал ему бокалом.

— Ты подписал бумаги, — тихо сказала Эльза. — Это хорошо. Папе это поможет.

Огден взглянул на сидящую рядом женщину. Она смотрела куда-то мимо отца и экономиста.

— Ты в этот раз выезжал из Берлина? — спросила Эльза.

— Нет.

Она кивнула и затянулась сигаретой.

— Садись на велосипед и поезжай в любую сторону, практически по любой дороге, и все увидишь — все как на ладони.

— Что я увижу?

— Полигоны, взлетно-посадочные полосы, коричневорубашечников в лесах. Теперь мы все нацисты.

— Эльза...

— Ты мне не веришь.

— Поверить, что все нацисты одинаковы? — Он покачал головой. — Хороших людей много, их слишком много, и им есть что терять, так что они не пустят к власти головорезов.

— Но кто есть кто? — Эльза повернулась к нему. — Как их отличить? Как хоть кто-нибудь из нас сможет их отличить?

Он не отвел взгляда.

— Все начиналось так медленно, Милтон. Подступало ближе, как вышедшая из берегов река, сантиметр за сантиметром. Одна ложь, потом другая. Такая большая ложь, что должна была иметься причина, чтобы говорить такое, какая-то цель, может, даже какое-то здоровое зерно... в конце концов, Геббельса не назовешь глупым человеком...

Эльза говорила, не заботясь о том, слушает ли ее Огден; просто размышляла вслух в сгущавшихся сумерках.

— Может, коммунисты действительно подожгли Рейхстаг, хотя в этом нет смысла. Может, была какая-то причина, почему в ту ночь только в Берлине арестовали такое количество людей. Может, существовала опасность, которую никто не видел. — Ее голос дрогнул. — Но теперь мы начинаем понимать: это не пройдет. Не закончится. — Она посмотрела на него: — Но это нужно остановить.

Она восхитительна, подумал Огден, но чересчур эмоциональна. Слишком быстро склоняется к опасным выводам.

— Эльза...

— Они приступают к следующему этапу, — тихо сказала она. — Герхард уверен, что к концу года от него потребуют уйти. Поговаривают о принятии «законов».

— Но он первая скрипка. — Огден нахмурился. — Гордость филармонии.

Щелчком пальца Эльза отправила сигарету в траву перед собой.

— Теперь в стране тысячи вакансий. Рабочих мест, которые раньше занимали евреи, даже такие евреи, как Герхард. Тысячи. Так что в Германии наступило рождественское утро. — Она покачала головой. — Пришел Папа Дойчланд. С рождественским гусем и с подарками... И никто не спрашивает: «Откуда подарки, Папа? Чью елку ты обокрал?» Потому что Папа ни у кого не крал. Крали евреи. Эти рабочие места, эти дома — все это изначально принадлежало немцам. Папе нужно всего лишь вступить в партию. Тогда везде наступит рождественское утро. Вот и все.

Огден постарался скрыть свое раздражение.

— Нацисты — всего лишь головорезы. Это ненадолго.

— Милтон. — Эльза покачала головой и отвернулась. — Ты не слушаешь.

— Очень внимательно слушаю.

— Нас... обворовали. У всех на виду.

Он бросил на нее короткий внимательный взгляд. Тут раздался голос полковника Пютцграфа:

— *Frau Hoffman! Herr Milton! Meine Freunde. Ein Foto! Kommen Sie hierher*¹¹. На плед, сюда... — Он указал на то место, где сидели Эльза и Огден. Все послушно направились к пледу, подчиняясь призыву полковника.

— Ты нам нужен, — быстро сказала Эльза, склонившись к Огдену.

— Нам?

— Герхарду, — кивнула она. — И другим.

— Эльза... — запротестовал Огден. — Что я могу сделать?

— *Ach*. — Она отвернулась. — Твоя смелость по-прежнему ограничена твоим комфортом.

Он отпрянул, уязвленный.

— Ближе, — шутливо нахмурился Пютцграф. — Намного ближе.

Огден подтянул колени к груди и обхватил их руками.

— Не стоит быть такой высокомерной, Эльза. — Он смотрел прямо в объектив. — Тебе это не идет.

— *Eins, zwei...*¹² — считал полковник.

— Не идет? — Хриплый безрадостный смех Эльзы прозвучал одновременно со вспышкой.

— *Sehr gut!*¹³ — Пютцграф победно вскинул кулак.

Китти пересекла Центральный парк у Семьдесят второй улицы и теперь шла на восток, к реке. Она чудесно провела время. В филармонии давали Мендельсона; Китти с матерью столкнулись сначала с миссис Уильям Фиппс, а затем неожиданно с Уилмердингами. Китти посадила мать в такси, а сама решила проделать остаток пути до дома пешком. Остановившись на перекрестке, она стала ждать, когда на светофоре загорится зеленый.

На другой стороне улицы, защищенный зелеными навесами и отполированными латунными ограждениями, стоял дом номер 1 по Саттон-Плейс, один из многочисленных ничем не примечательных гранитных строений Верхнего Ист-Сайда; его выдавал только адрес: ничто в скромном фасаде не указывало

на прятавшееся за ним богатство. Это было сделано намеренно. Когда в 1887-м возвели это здание, первые домовладельцы (из угловых квартир с видом на Ист-Ривер) чувствовали, что массивные, довольно вычурные особняки на Мэдисон и Пятой, принадлежавшие выскочкам вроде Фрика и Рокфеллера, не вынесли бы повторения.

Их тут и не пытались повторить, размышляла Китти, в восхищении рассматривая старое здание, невозмутимое, словно пожилой дядюшка. Ее восхищало все. Все вокруг. Солнечный свет. Этот день. Подняв глаза, Китти сосчитала этажи до четырнадцатого, где тянулись окна ее квартиры.

Даже теперь — через семь лет после того, как по возвращении из свадебного путешествия Огден молча подхватил ее на руки и понес, сменяя дорожный костюм, прямо к двойным латунным дверям, а потом в вестибюль, вызвал лифт, прижал к обитой атласом стене и поцеловал, — даже теперь, здесь, перед их домом, ее порой пронзало острое мимолетное чувство, будто все это просто игра. Она шла по дорожке своей жизни с непринужденным изяществом, легко ступая по брусчатке. Вот Китти Милтон шагает с охапкой цветов для прихожей, вот она за ланчем, вот стоит рядом с мужем, держа его под руку; ее дети появляются на свет с идеальной, здоровой периодичностью в два года. Если кто-то отмечал пункты в списке (а Китти знала, что такие люди были; она росла под пристальными взглядами сплетниц и вдов, что сидели на стульях с жесткими спинками в садиках и гостиных, располагавшихся между 12-й и 28-й улицами Ист-Сайда), то все это доказывало: Китти Хотон успешно справилась.

Принося клятву любви, почтения и послушания, Китти и не подозревала, что с Огденом будет так легко держать слово. Что она будет делать это столь охотно. Что ее желания совпадут с его желаниями. Китти была свойственна естественная сдержанность. У нее никогда не возникало потребности выговориться, раскрыть душу, резко устремиться вперед. Хладнокровная, спокойная, рассудительная, она знала, что именно эти качества привлекли к ней Ога. И все же, когда

он пришел к ней в первую брачную ночь и положил ладонь на ее обнаженную руку, ее тело потянулось ему навстречу, словно внутри ее пряталась другая девушка, ждавшая этой минуты. Вспоминая об этом, Китти ощутила дрожь.

Мысль о детях, принимающих ванну, о выставленных в баре напитках на случай неожиданных гостей, о единственном приборе за длинным столом, накрытым к ужину, о приготовленной к ночи постели и задернутых занавесках наполнила ее радостью. Ее дом — полная чаша. Это вовсе не игра.

Загорелся зеленый свет, и Китти шагнула с тротуара на мостовую, навстречу двум маленьким девочкам в накрахмаленных платьях; девочки смотрели прямо перед собой и с обеих сторон держались за коляску с младенцем.

— Поторопитесь, — выдохнула няня, приподнимая передние колеса коляски, чтобы заехать на тротуар. Девочки молча взошли на бордюр, держась за коляску, как за петли подъемника.

— Нам обязательно идти в парк? — спросила старшая девочка, когда Китти поравнялась с ними.

— Да, мисс Левенштайн, обязательно.

Евреи, отметила про себя Китти, направляясь к темно-зеленому навесу над отполированной до блеска дверью, и непроизвольно выпрямилась. Маленькие еврейские девочки. Здесь, в Верхнем Ист-Сайде.

— Привет, Джонни. — Она кивнула швейцару, улыбаясь.

— Миссис Милтон, — кивнул он в ответ, придерживая для нее дверь; в руках у него был плюшевый мишка, принадлежавший Недди.

— О боже, опять? — Китти с улыбкой взяла у швейцара потрепанного мишку. — Это же игра, понимаете. Вы их только поощряете.

— Зато есть чем заняться. — Глаза Джонни смеялись. — Мне не трудно.

— Правда? — Китти изогнула бровь в знак благодарности. Под униформой — любой униформой — все мужчины прячут желание поиграть в мячик.

«Все равно нужно поговорить с Недди», — пообещала она себе, шагая к лифту по черно-белым плиткам пола. Ее сыну не следует полагаться на дружелюбие Джонни. У Джонни есть работа, и он не обязан подбирать плюшевую игрушку, которую Недди выбрасывает с четырнадцатого этажа, проверяя, умеет ли мишка летать.

Китти улыбнулась. Недди, который ни минуты не мог посидеть спокойно, Недди, которого нужно было крепко держать за руку, — он любил самостоятельно исследовать окружающий мир. Никто не готовил ее к появлению мальчиков, с их порывистыми метаниями то туда, то сюда, словно в погоне за запахом, который неизбежно приводит их к неприятностям. Маленькие хорьки.

Китти дождалась, пока кабина с гудением опустится и слегка подпрыгнет, после чего поднимется решетка и откроется дверь.

— Привет, Фрэнк, — поздоровалась Китти с лифтером и вошла внутрь.

— Миссис Милтон. — Фрэнк скользнул по ней взглядом и задвинул решетку.

В молчании они проехали четырнадцать этажей; две пары глаз наблюдали, как меняются цифры на табло. На нужном этаже Фрэнк повернул рукоятку, замедляя движение кабины, которая остановилась на уровне лестничной площадки. Затем открыл двери и замер в ожидании.

— Спасибо, — сказала Китти, мельком глянув на себя в зеркало, висевшее в центре крошечного закутка возле лифта. Щеки у нее порозовели, в глазах все еще сияло удовольствие от приятно проведенного дня.

В библиотеке горел свет. Правее предвечернее солнце подсвечивало кусочек гостиной, а за окнами виднелась яркая зеленая весна, машущая верхушками деревьев. Китти сбросила пальто, достала вешалку из кедрового платяного шкафа, просунула деревянные планки под плечики и повесила его на штангу рядом с пальто Огдена. *Мистер и миссис Милтон*. Она улыбнулась висящей в шкафу парочке, коснулась рукава мужниного пальто и уткнулась в его воротник, объятая дикой,

необузданной любовью к этому пальто, к своему пальто, к прихожей и... *Нет, это просто смешно.* Она снова улыбнулась. Что за нелепость. Но радость, охватившая ее еще в такси, оставалась с ней во время концерта в филармонии, а потом в парке; ее сердце заполнял чистый свет, пока она шла домой, открывала окна, о боже, как же ей хотелось вырваться из своего тела, поняла она, отступая от шкафа и закрывая в нем два пальто.

«Огден, — подумала она, — возвращайся домой».

Когда ее кузен Данк Хотон впервые привел Ога, только что вернувшегося из Германии, на светский прием к ее бабушке, все произошло мгновенно: вот Китти с сестрой Эвелин стоят у дверей библиотеки, скучающие и надушенные, но готовые принимать гостей на очередном музыкальном вечере, — а через мгновение все становится иначе.

Она стала совсем другой. Стоя рядом с Эвелин, она услышала шум за спиной: распахнулась входная дверь, мужской смех застучал по диванчику, обитому желтым шелком, по стульям с гнутыми ножками — *привет, Баркер, здравствуйте, джентльмены, позвольте взять ваши шляпы,* — и ворвался прямо в гостиную, где бабушкины гости искали, куда бы сесть.

«Иди посмотри, что там!» — прочла Китти безмолвный приказ в глазах бабушки. Она выскользнула за дверь и оказалась в холле как раз в тот момент, когда Данк с гордостью произнес:

— Смотри, Огден. Вот о чем я говорил...

Данк указывал на портрет ее бабушки работы Джона Сингера Сарджента, висевший над входом в библиотеку за спиной Китти (*слишком высоко,* как недовольно заметил низкорослый музейный куратор, заглянувший однажды в гости). Но мужчина рядом с кузеном смотрел не на картину.

— Вижу, — сказал он.

Китти вспыхнула.

— О да. — Данк повернулся к другу и одобрительно хлопнул в ладоши. — Да, это моя кухня Китти. Цветок совсем другой эпохи.

Молодой человек пересек разделявший их ковер и взял ее за руку.

— Огден, — представился он.

Милтона с Пьерпонт-Плейс кто угодно считал бы выгодной партией, хотя он был куда старше Китти и много времени провел за границей — поговаривали, что где-то у него есть женщина. Но у стоящего перед ней мужчины были синие глаза, худое лицо и открытая улыбка, которая, как ей казалось тогда, — ее рука лежала в его ладони — сияла для нее одной. Он опытен. Очень хорошо. Она нисколько не боялась. Она не такая, как мать. Жизнь мужчины проникает повсюду, течет, как пролитая вода. А прошлое — это просто прошлое. Он пришел к ней, раскрыв объятия и сердце, и началась их история.

Всю жизнь Китти постепенно продвигалась вперед, слегка придерживаясь за шнур, натянутый между вехами женской жизни. Она твердо знала, что девушке не следует ничего говорить, пока к ней не обратятся, а открыв рот, не следует произносить ничего такого, что могло бы вызвать раздражение или беспокойство. Следовало говорить «блуза», а не «кофточка», «белое мясо», а не «куриная грудка». Хорошие манеры представляли собой основу цивилизации. Можно было точно определить, с кем следует садиться рядом, ориентируясь на поведение и манеры потенциального соседа. После еды нож и вилку требовалось положить на тарелку так, словно они стрелки часов, показывающие двадцать минут пятого. Нужно было держать спину прямо и не жестикулировать во время разговора, чтобы тебя не приняли за итальянку или еврейку. Женщине полагалось следить за садом, ребенком и светской беседой. Женщине следовало знать, как регулировать температуру в гостиной: добавить немного огня вовремя заданным вопросом или охладить накал с помощью напитков, вазы с орехами или улыбки.

В школе мисс Сара Портер научила Китти важной истине. Эту мудрость учительница получила через поколения преподававших здесь старых дев, чьи братья учились в Йеле и передали им великие слова «Правда. Верность. Честь»: твои